

Погоня за неуловимой красотой

“Он выбрал свою судьбу сам” — первая книга о Михаиле Барышникове

В октябре в издательстве “АСТ-Пресс” выходит первая в России книга о Михаиле Барышникове “Я выбрал свою судьбу сам”. Ее автор — известный балетный фотограф и критик Нина Аловерт. Она была свидетельницей начала творческого пути Барышникова в Ленинграде, в Кировском театре, а с 1977 года — и на Западе. Книга, состоящая из двух частей (“Барышников в Ленинграде” и “Барышников в Нью-Йорке”), будет снабжена уникальными фотографиями автора (многие из которых публикуются впервые): Нина Аловерт создала редкую фоталетистику знаменитого артиста с его первого выступления на выпускном концерте в Ленинградском хореографическом училище до драматического спектакля “Доктор и Пациент”, участием в котором Михаил Барышников отметил 30-летие своей творческой жизни на Западе. Ниже мы публикуем фрагменты из первых глав книги. Данной публикацией редакция поздравляет Нину АЛОВЕРТ с юбилеем.

На съемках телефильма “Фиеста”. 1971 г.

“Необыкновенный мальчик”

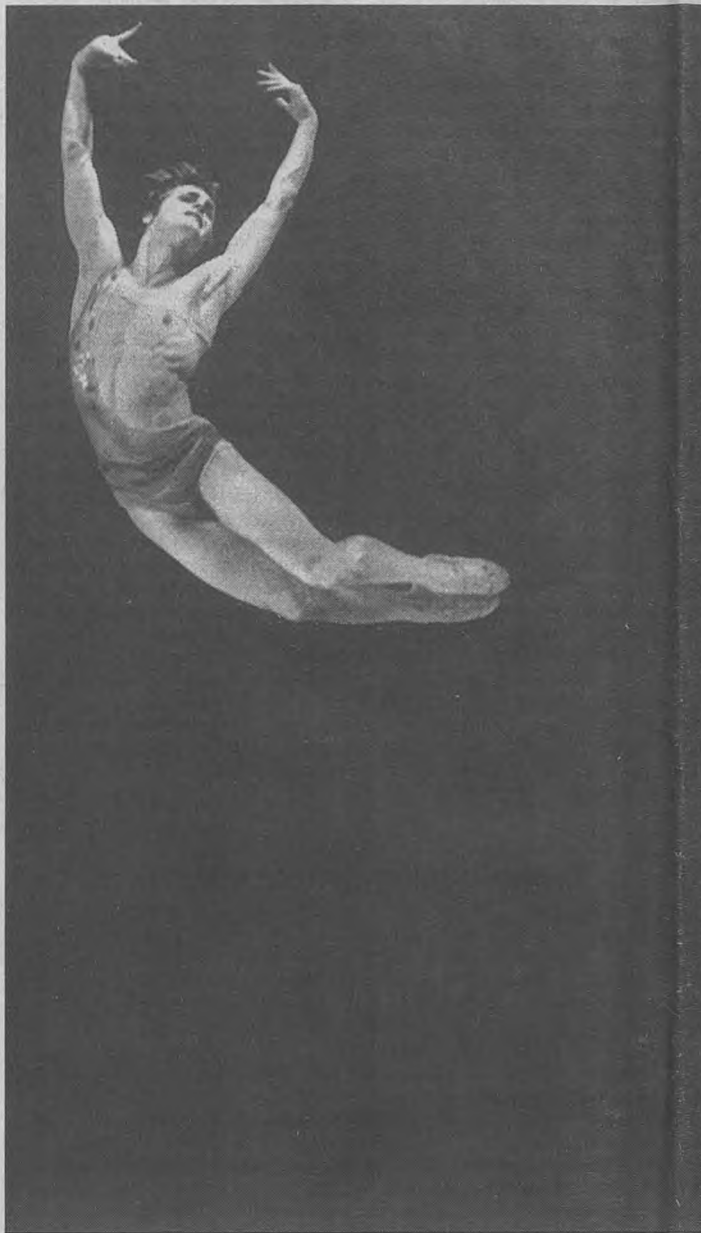
Михаил Николаевич Барышников родился в Риге 27 января 1948 года в семье советского военнослужащего. Отец — Николай Петрович Барышников — военный чиновник, подполковник, после войны продолжал военную службу в Риге. Мы редко говорили с Мишей о его прошлом, знаю только, что Николай Петрович был человеком суровым, у Миши ни в детстве, ни позднее не возникало с ним душевных контактов. Мишу воспитывала мать — Александра Васильевна. Она водила его в театр на оперу и балет, научила любить музыку, отдала в балетную студию, а затем — в Рижское хореографическое училище (педагоги Н.С. Леонтьева и Ю.П. Каприлис). Мать была замечательной нежной, с тонкой душевной организацией, восприимчивой к красоте... Миша всегда говорил о ней с любовью. Когда Мише исполнилось 12 лет, Александра Васильевна отдала его на лето к своей матери, которая жила на Волге, а сама поехала одна в маленькое путешествие, затем вернулась в Ригу и покончила с собой. Причина ее поступка осталась неизвестной. Отец вскоре женился, а когда Миша переехал в Ленинград, отношения с отцом практически прекратились.

Для родителей Миши их брак был вторым. От первого брака у Александры Васильевны остался сын Владимир, о котором я ничего не знаю. Надежда, дочь отца от первого брака, жила в Ленинграде, я изредка ее встречала: она навещала Мишу, когда он возвращался из зарубежных поездок.

Я не знала Барышникова в его школьные годы. В 1964 году Латвийский театр оперы и балета гастролировал в Ленинграде. Барышников был занят в спектаклях вместе с другими учениками школы, в балете “Шакунтала” он танцевал сопо. Я не видела это его первое выступление в Ленинграде, только помню разговоры балетоманов о том, что в рижской балетной школе есть необыкновенный мальчик. Имени я не запомнила. Позднее наш общий с Мишей друг Александр Минц, в то время — характерный танцовщик Ленинградского театра оперы и балета имени С.М. Кирова, рассказывал мне о том первом выступлении Барышникова в Ленинграде. Саша говорил, что этот мальчик поразили его не только профессиональными качествами: Сашу поразили тот факт, что мальчик выглядел на сцене не как ученик школы, но как взрослый солист. Ленинградская студия телевидения снимала тогда отзывы из спектаклей латвийского балета. Борис Топчинский, редактор передачи, обратился к оператору и директору съемки Леониду Лубяничко-му: “Там есть такой мальчик, Миша Барышников. Пожалуйста, выделите его при съемке: это будущий гений”. Тогда молодой оператор не обратил особого внимания на мальчика. В 1971 году Леонид Лубяничский один из первых ленинградцев эмигрировал в Америку и стал известным американским фотографом. А когда Миша приехал в Нью-Йорк, Леонид стал его другом и начал снимать Барышникова для американских журналов. Эти журналы доходили и до нас, в Россию: Миша на баллоне своей квартиры с собаками. Миша после профессиональной травмы разрабатывает ногу...

“Запомни его имя”

Первыми педагогами Барышникова по классическому танцу в Риге стали Наталья Леонтьева и Юрий Каприлис (Миша говорил, что он многим обязан Каприлису), а характерному танцу он учился в классе Валеры Коварской, бывшей танцовщицы латвийского балета, затем педагога. Приехав в эмиграцию, она обоималась

Дафнис. “Дафнис и Хлоя”. 1974 г.

М.Барышников и Фома, 1974 г.

В классе А.Пушкина. 1968 г.

ученика школы, он был законченным артистом, и мне казалось, что эту вариацию из “Дон Кихота” я вижу впервые. Он не исполнил движение, он сам воплощал собою движение и танец. Он ликовал, он был юн и счастлив, как будто знал, что завоевал весь мир...

“Кто это — Барышников?” — спросила у Саши Минца. “Запомни его имя”, — ответил Саша, — ты не раз еще о нем услышишь”.

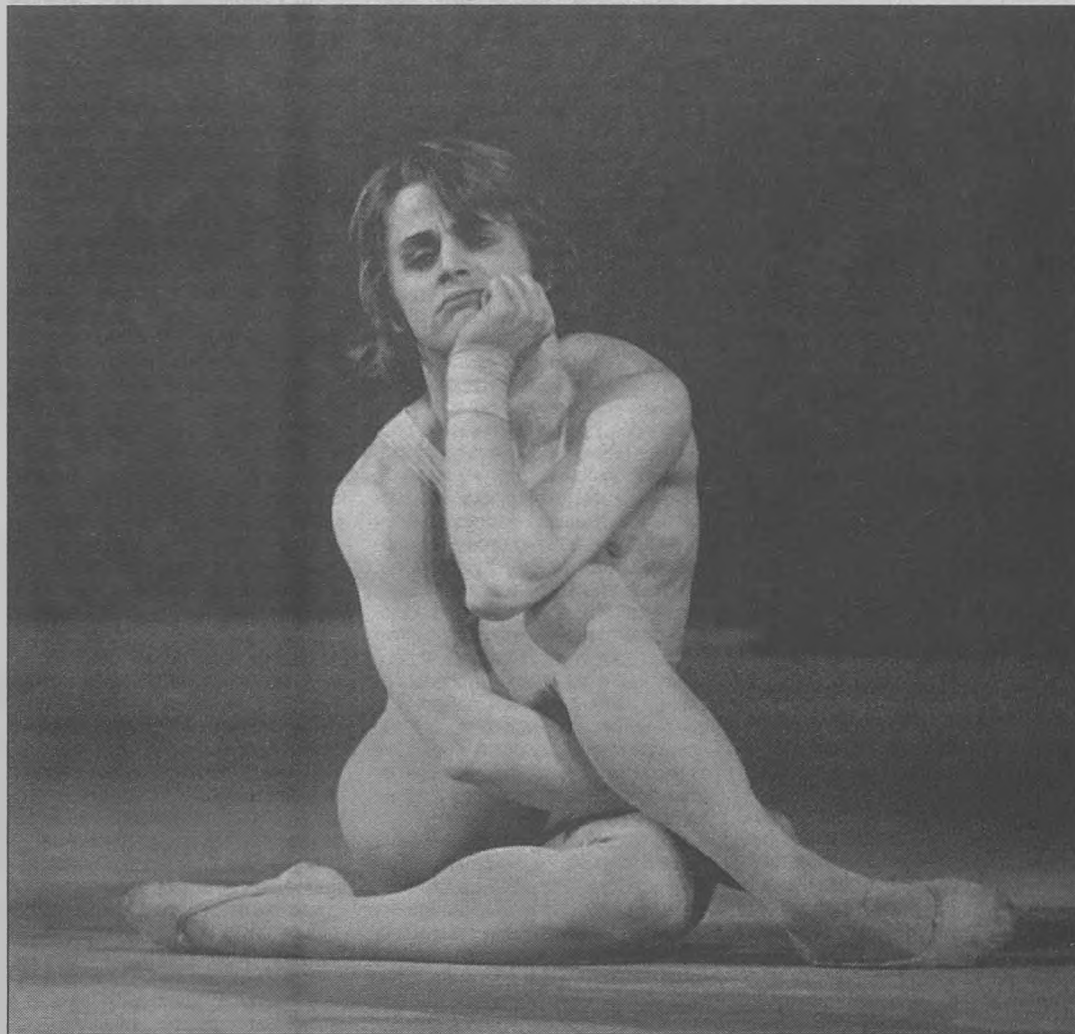
“Ценок Фома и кошка Анфиса”

...Итак, закончив в 1967 году Ленинградское хореографическое училище, Барышников начал работать в Театре оперы и балета имени С.М. Кирова. Не помню, где я познакомилась с Мишей. Помню только, как встретила его вскоре после выпускного вечера недалеко от своего дома (на углу Большого проспекта и улицы Олега Кошевого) и поздоровалась с ним, как со знакомым. Он шел со своей подругой Таней Румянцевой, работавшей на Ленинградском телевидении. Помню их так отчетливо, как будто видела вчера: веселый серокожий мальчик с волосами цвета пшеницы и девушка невысокого роста, говорившая низким голосом, почти басом. Она держала в руках пакет свежемороженого кофе, который издавал такой соблазнительный запах! Мы остановились поболтать: оказалось, что Миша — мой сосед. Театр дал ему комнату на первом этаже в коммунальной квартире на Колпинской улице, параллельной Ижорской, на которой я жила. Постепенно Миша стал частым гостем в моем доме. После спектакля или репетиций он забегал в любое время дня и ночи, если видел свет в окнах (мы с мужем поздно ложились спать), и я варила ему пельмени. Был он в это время веселым мальчиком, любил поддразниться и пошутить. Будучи очень любознательным, Миша успевал побывать на всех интересных спектаклях в драматических театрах, увидеть новые фильмы, прочитать новые книги. Его переполняла какая-то жажда жизни и взрослая полнота во всем, что касалось приключений. Таким я помню Барышникова в тот

период жизни на Петроградской стороне. От того времени у нас в доме осталась надутая игрушка — Микки Маус, которую Миша привез моему шестилетнему сыну Игорю из Японии. Он ликовал, он был юн и счастлив, как будто знал, что завоевал весь мир...

Комната, в которой жил Миша, была почти пуста. У начинающего танцовщика не хватало денег на мебель. Столом служил картонный ящик (не помню из-под чего). Квартира находилась на первом этаже, окна выходили прямо на улицу с неизменной кучей мусора на противоположной стороне (такую же кучу я обнаруживала на том же месте, приехав в Россию в конце 1980-х годов). Но в молодости — все весело, все — смешно, все — приключение, при каком бы режиме мы ни жили! И бесшабашные гости являлись в три часа ночи и влезали в комнату к Мише прямо через окно, находившееся невысоко над тротуаром. Так, однажды компания балетных артистов во главе с Валерием Пановым подошла к Мишину окну рано утром на фурунке, в котором развозят хлеб (таких они не нашли). Компания орала на всю улицу, Миша смеялся и сердился: у него в это время находилась подруга, которая совершенно не предполагала принимать гостей!

Там, на Колпинской улице, познакомилась я и со Славой Сантаневым и другими Мишиными друзьями и подругами, в том числе и с Таней Кольцовой — будущей гражданской женой Барышникова. Таня окончила хореографическое училище и пришла в Кировский театр на год позже Миши. Была она красивой, тонкая, фигурка удлинённая, большие выразительные глаза на пол-лица. Миша обратил внимание на Таню, когда она еще училась (так она мне рассказывала). Сначала она избегала Мишу: ее смущало, что она — уже начинающий премьер, а она — никто, а также, по ее словам, гугало предвещавшее серьезные отношения. Затем, когда “серьезные отношения” все-таки возникли, а Барышникову в 1972 году дали наконец отдельную однокомнатную квартиру, Таня появилась там вместе с Мишей. Они никогда официально не регистрирова-

Адам. “Сотворение мира”. 1973 г.

Блудный сын. 1974 г.

М.Барышников и Л.Путинова. Адажио из балета “Лебединое озеро”. 1972 г.

ли свой брак, но и сам Миша, и мы, его друзья, относились к Тане как к его жене. (Чего нельзя сказать о ее “добродетельных” подружках из театра: девочки из кордебалета постоянно напоминали Тане, что она — “незаконная”. Таня расстраивалась: это накладывало отпечаток на их отношения.)

Новая Мишина квартира находилась в прекрасном месте: на углу Мойки и улицы Дзержинского, на третьем этаже старого петербургского дома, до театра можно было дойти пешком. В этой очень небольшой однокомнатной квартире и поселились

Миша с Таней. Вскоре появились и новый жилец: щенок Фома, белый королевский пудель. Фома родился в феврале 1972 года, а в марте Слава Сантанев привнес его Мише. Позже в доме появилась черная кошка Анфиса. Когда Миша и Таня расстались, Таня забрала Анфису себе.

Ленинградский период: “проба сил”

Я не ходила на все первые выступления Барышникова в сольных вариациях и вставных па-де-де. Одной из первых его партий, которую я хорошо помню, была партия Юноши, друга

Асият: в новом балете Олега Виноградова “Юрканка” в 1968 году. Хорошо помню и первое выступление Миши в партии Базилля в “Дон Кихоте” в 1969 году: из-за реконструкции Кировского театра спектакль шел тогда во Дворце культуры имени Ленсовета. Барышников танцевал с Ниной Курганкиной. Партия Базилля, одна из лучших его партий, сопровождала Барышникова почти до самого конца его карьеры классического танцовщика. В 1970-х годах Миша танцевал этот балет с разными партнершами. Мне никто не нравился рядом с Барышниковым в “Дон Кихоте”. Но когда я ска-

зала это Мише, он ответил раздразненно: “А с кем мне танцевать? Ну скажи: с кем?” И был прав. Проблема партнерши тогда стояла очень остро...

Миша танцевал Базилля весело, азартно, технически — превосходно. Чем дальше — тем с большим совершенством. В Ленинграде никто не мог с ним сравниться. И мне тогда казалось, что уже ничего более интересного в этой роли придумать нельзя. Но когда я увидела Барышникова в “Дон Кихоте” во всем блеске технического совершенства, то поняла, что тот ленинградский период был еще только пробой сил. В вариации, которую Миша поставил Базиллю в картине “Кашепок”, мне казалось, что он вообще ни разу не коснулся пола сцены. А когда Миша наконец приземлился, весь зал Метрополитен-опера как один человек выдохнул удивленно-восторженно: “А-а? al-al-ah!”

Тогда же, в 1969 году, он еще был только начинающим танцовщиком, обещавшим стать великим Барышниковым — звездой мирового балета.

На концертах Миша с неизменным успехом танцевал номер “Вестрис” Елены Банчикова, который в 1969 году ему поставил Леонид Якобсон для I Международного конкурса артистов балета в Москве, где Барышников получил Первую премию и золотую медаль. Великий открыватель талантов Якобсон использовал не только феноменальные технические возможности танцовщика, но раскрыл в нем артиста, способного к мгновенным перевоплощениям и лицедейству. В номере Якобсона, возможно, впервые обнаружилось тонкая актерская интуиция Барышникова и его способность к исполнению современной и протексской пластики. Сколько раз затем этот талант к мгновенным перевоплощениям Миша использовал в балетах более позднего периода! Даже в сочинениях американских модернистов я не нахожу да и вижу незыблемого Вестриса — Барышникова...

Декадентский Меркуцио

Необычайно интересным стало единственное выступление Барышникова в партии Меркуцио, которая больше не появлялась в его репертуаре ни в какой постановке. Игорь Чернышев, ведущий солист Кировского театра, оказавшийся не только талантливым артистом, но и не менее талантливым хореографом, поставил декадентский балет “Ромео и Юлиетта” на музыку Виктора Бердса. В постановленном им балете было всего четверо действующих лиц. Чернышев сочинил партию Юлии для молодой Натальи Макаровой, Вадим Гуляев репетировал Ромео, Вадим Десницкий — Ти-балда. Но главный балетмейстер Кировского театра Константин Сергеев, посмотрев репетицию, не разрешил включить балет в репертуар театра. “Это все декадентство, — сказал он. — Советским зрителям этого не нужно”. Чуть позднее, в 1971 году, Ирине Колпаковой, премьерше театра, народной артистке СССР, члену КПСС, депутату Верховного Совета СССР, удалось добиться разрешения включить “Ромео и Юлиетта” в программу своего творческого вечера: она ставила Юлию вместо Макаровой... Признанная кристально чистой классическая балерина, Колпакова никогда, однако, не упускала возможности танцевать новую хореографию. Конечно, партия Юлии создавалась для Макаровой, но это — театр: Чернышев пошел на печальный, хотя и понятный компромисс. Макарова сидела в темном зале, смотрела, как репетирует Колпакова, и плакала...

Тогда мы все осуждали Чернышева и Колпакову. Теперь, по прошествии стольких лет, я с грустью думаю, что мы были не правы. Балерине хотелось станцевать интересную партию, хореографу хотелось увидеть свой балет хотя бы один раз, пусть и не с выбранной им балериной, но воплощенным на сцене. Увы!

Меркуцио Барышникова был похож на самого Мишу: юноша, упоенный жизнью, излучающий свет и радость. В газете “Вечерний Ленинград”, еще до Мишиного выступления в этой роли, Игорь играл с Микки Маусом в шахматы. Позднее Микки, как старый друг, приехал с нами в Америку...

“Быть или не быть”

В 1970 году Константин Сергеев поставил балет Николая Червинского “Вампир”. Молодой танцовщик Барышников, исполнителем заглавной партии, ставшая два или три спектакля, отказался выступать в этом балете. Миша заявил на собрании балетной труппы, что считает бессмысленным подчас стоять в аттиде, означавшем “быть или не быть”. Артисты рассказывали мне, что Сергеев даже расстроился. Он искренне считал, что поставил великое произведение, и не мог понять, как можно отказаться танцевать заглавную партию в таком замечательном спектакле? Конечно, надо было обладать большой смелостью, чтобы заявить в лицо всемогущему хозяину труппы, что тебе плохо. Думаю, Миша тогда уже почувствовал свою силу. После того как Рудольф Нуреев остался на Западе, а Никита Долгушин уехал в Новосибирск, в Кировском театре не существовало танцовщика, равного Барышникову. Кроме того, Миша был по сути своей свободным человеком и всегда оставался бескомпромиссным в своем творчестве. Если исполняемые им сегодня балеты кажутся кому-то из нас недостаточными его гения, то во всяком случае мы знаем: Барышников танцует их потому, что находит в этом произведении для себя что-то новое и интересное.

Воспоминаниями этот свободный дух еще не раз топтал Мишу на смелые поступки на сцене и в закулисной жизни. Но в 1970-м подобное произошло впервые.

Публикацию подготовила
Екатерина БЕЛОВА